

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'23

Л.П. Воронина

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СМЫСЛЫ ДИМИНУТИВОВ В ТЕКСТАХ В.М. ШУКШИНА

Рассматривается характерная особенность идиостиля В.М. Шукшина – использование элементов деривационной системы в качестве средства выражения прагматических смыслов, создания повышенной экспрессивности текста, стиливой разговорной маркированности. Представлены результаты анализа функционирования диминутивов в текстах автора: выявлен спектр выражаемых смыслов и функций, выделены темы, при раскрытии которых употребляются диминутивы; охарактеризованы условия и прагматический эффект функционально-смыслового взаимодействия диминутива с другими элементами текста.

Ключевые слова: диминутив; идиостиль; В.М. Шукшин; экспрессивность.

Одной из основных особенностей стиля произведений В.М. Шукшина является активное использование ресурса народно-разговорной речи. Писатель передает стихию разговорной речи с удивительным мастерством. Исследователи творчества писателя отмечают, что «язык В.М. Шукшина сыграл важную роль в развитии языка русской прозы второй половины XX века, в то же время отражая языковые процессы, характерные для художественной литературы 60-х, 70-х годов: опора на живую речь, борьба с канцелярскими, газетными, беллетристическими штампами» [1. С. 4].

Вторая яркая черта языка прозы В.М. Шукшина, определяющая неповторимое своеобразие его стиля, – высокий уровень эмоционально-экспрессивного фона и диалогического, и повествовательного текста. Известный исследователь языка произведений писателя В.Ф. Горн пишет: «Шукшин воссоздаёт живую разговорную речь с присущей ей образностью, экспрессией, естественностью» [2. С. 26]. Широкое использование диалектной и просторечной лексики, с помощью которой воссоздаётся своеобразная, красочная, живая речь – отличительная стиливая особенность рассказов В.М. Шукшина [3. С. 106].

Литературоведы отмечают очевидное преобладание диалога над повествованием и описанием в качестве основной характеристики рассказов В.М. Шукшина (Л.И. Василевская, В.Ф. Горн, М.А. Деминова, Г.В. Кукуева, А.А. Чувакин) [4]. Как указывается в энциклопедическом словаре-справочнике «Творчество В.М. Шукшина», диалог не только количественно преобладает в произведениях писателя, а помогает проникнуть внутрь характера [5]. Л.И. Василевская отмечает, что для рассказов В.М. Шукшина характерно взаимопроникновение повествовательных и диалоговых форм [6. С. 55], находящее отражение в том, что в текстах В.М. Шукшина стиливые особенности разговорной речи характерны не только для диалогов, но и для внутренней речи персонажей. Широкое и многообразное использование внутренней речи – неотъемлемая особенность творческой манеры талантливого мастера психологического анализа [Там же. С. 113].

Исследователи отмечают также закономерное проникновение стиливых особенностей разговорной

речи и в авторское повествование. В.Ф. Горн пишет о неоднородности, свойственной авторскому повествованию в произведениях В.М. Шукшина, которая состоит в том, что в процессе «рассказывания» сталкиваются и взаимодействуют элементы речевых слоёв повествователя и персонажа. Тонкое понимание изображаемой жизни обуславливает привычное для сознания героя и самого писателя словоупотребление. [2. С. 28].

Таким образом, народно-разговорная стилистика речи, проявляющаяся в повышенной эмоциональности, экспрессивности, оценочности, свойственна всем типам речевых слоёв произведений писателя. Этот особый стиливой фон формируется взаимодействием языковых элементов всех уровней, среди которых значительное место занимает ресурс экспрессивного словообразования.

Как отмечалось выше, идиостиль писателя изучался многими лингвистами. Изучение диминутивных производных в произведениях В.М. Шукшина ранее не предпринималось. В данной статье мы рассматриваем одну из основных черт идиостиля писателя: использование элементов деривационной системы в качестве средства создания повышенной экспрессивности текста, стиливой разговорной маркированности. При этом выявляется своеобразие использования в стилиобразовании писателя ресурса диминутивного словообразования.

В ряду средств выражения повышенной экспрессивности в русском языке следует отметить обилие диминутивных суффиксов, которые придают производному существительному широкий спектр значений, что было выявлено и охарактеризовано в работах многих лингвистов (А. Вежицкая [7], Е.А. Земская [8], Е.С. Кубрякова [9], З.И. Резанова [10], М.Н. Яценецкая [11], Р.В. Порядина [12], О.В. Нагель [13] и др.). Так, например, В.Н. Виноградова подчеркивает, что уменьшительные суффиксы «могут передавать ласкательность, презрительность, уничижительность, одобрение, иронию и т.п. часто в зависимости от ситуации высказывания» [14. С. 80].

Особенности использования В.М. Шукшиным стиливого ресурса диминутивного словообразования мы рассмотрим на примере производных с суффиксами *-ишк-*, *-онк-*, наиболее часто употребляемых писа-

телем. Анализ функционирования производных с данными суффиксами в текстах В.М. Шукшина мотивирован тем, что они системно обладают широким спектром семантических и прагматических смыслов, среди последних доминируют смыслы, свойственные разговорному стилю. По данным, представленным в «Русской грамматике», для суффикса *-ишк-* характерно пренебрежительное, уничижительное значение, для суффикса *-онк-* – уменьшительно-уничижительное значение [15. С. 208].

В статье представлен анализ условий функционирования производных с данными суффиксами в тексте: выявляется спектр выражаемых смыслов и стиливых функций, темы, при раскрытии которых употребляются диминутивы, условия и прагматический эффект функционально-смыслового взаимодействия диминутива с другими элементами текста.

З.И. Резанова в качестве одного из отличительных свойств диминутивного словообразования выделяет существенную зависимость реализации суффиксального значения от контекста и конситуации употребления, что интерпретируется автором в качестве характерологической особенности выражения прагматических смыслов в языке [10. С. 182].

В условиях воздействия элементов внешнего контекста актуализируются различные экспрессивные смыслы и коммуникативные функции диминутива. «Окончательный» смысл диминутива создаётся при включении в текст с определённым целостным смыслом, определённой синтаксической организацией. Конкретная реализация эмоционально-оценочных смыслов зависит от сочетания эмоциональной окрашенности, рационально-оценочных смыслов лексем ближайшего окружения и эмотивной направленности текста как целостной единицы [16. С. 198].

Анализ проводится на материале всего корпуса рассказов В.М. Шукшина 1960–1970-х гг. Проанализировав тексты писателя, выделяем 110 контекстов, в которых употребляются диминутивы с суффиксами *-ишк-*, *-онк-*.

В текстах В.М. Шукшина производные с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* приносят стиливый акцент разговорности в построение тональности текста, создавая своеобразный прагматически насыщенный смысловой эффект. С помощью данных диминутивов передаются эмоциональные, экспрессивные, оценочные смыслы. Усилительное, экспрессивное значение может проявиться независимо от порождающего смысла «меньше нормы», выступая как средство интенсификации эмоционального отношения говорящего [17].

Диминутивные производные с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* широко используются писателем в разговорной речи персонажей, во внутренней речи, а также в повествовательных фрагментах текста.

Изучив контексты функционирования диминутивных производных с суффиксами *-ишк-*, *-онк-*, мы выявили варианты актуализации уничижительного, пренебрежительного, одобрительно-снисходительного значения, а также разговорной стиливой маркированности.

1. Наиболее характерно использование диминутивов с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* в текстах В.М. Шук-

шина для выражения **уничижительного значения**. В «Словаре русского языка» *уничижать* трактуется как «унижать, оскорбляя чьё-либо достоинство, или умаляя, принижая заслуги» [18. С. 498]. Из ста десяти контекстов в пятидесяти диминутивы употребляются с уничижительным значением, однако степень и характер данной общей эмоциональной оценки, выражаемой диминутивом, могут значительно меняться под влиянием контекста.

а) **Собственно уничижительное значение** диминутивных производных актуализируется, как правило, в диалогических контекстах, в составе оценочных речевых жанров, реализуемых персонажем в ситуациях выражения отрицательного отношения к безнравственным поступкам и недостойному поведению людей. Так, в рассказе «Лёля Селезнёва с факультета журналистики» диминутив в реплике одного из плотников служит средством усиления эмоции осуждения, выражаемой по отношению к Митьке Воронцову, который в чрезвычайной ситуации отказался остаться работать на ночь. Уничижительное значение диминутива выражается во взаимодействии с единицами ближайшего окружения, прежде всего усиливается значением устойчивого фразеологического выражения «*ни на грош*», ироническим противопоставлением грамотности (образованности) и ума: – *Оншибко грамотный стал, – поддакнул один из плотников. – Вымахал с версту, а умишка ни на грош* [19. С. 113]. В рассказе «Чужие» диминутив *мужичонка* служит средством выражением уничижительного отношения героя к персонажу, которое вызвано безнравственным поступком. Герой рассказа дядя Емельян повествует о том, как у него украли на свадьбе хороший пиджак, который укравший вскоре вернул. Уничижительное значение диминутива интенсифицируется в сочетании с отчуждающе-уничижительным значением местоимения «какая-то»: – <...> *И чо ты думаешь? Через три дня приходит из Талицы мужичонка, какая-то родня её, бабе-то моей... С мешком. Пришёл, положил мешок в угол, а сам бух, на коленки передо мной* [20. С. 427].

Диминутив в рассказе «Раскас» представлен в письменной речи главного героя Ивана Петина, высказывающего своё мнение о том, как надо относиться к другим людям. Оценка действия, поступка, выраженная наречием *неправильно*, выступает в качестве контекстного актуализатора уничижительного значения диминутива: *бабёнка* означает «какая-то любая, не заслуживающая особого внимания женщина». Уничижительное значение диминутива усиливается также под влиянием эмоционального заряда лексем ближайшего окружения, прежде всего просторечного глагола *подсыпаться*, обозначающего «угодливо, льстиво обращаться к кому-либо, добиваясь чьего-л. расположения» [21. С. 208]: *А потому что это тоже неправильно: увидал бабёнку боле или мене ничего на мордочку и сразу подсыпаться к ней* [19. С. 333].

В контексте из рассказа «Операция Ефима Пьяных» диминутив *председателишко* используется во внутренней речи при размышлении героя, председателя колхоза, о своём поступке в больнице. Чтобы

избежать неприятной ситуации, связанной с предстоящей операцией, он повёл себя «несолидно» и презирует себя за это. Диминутив встроен в экспрессивную конструкцию в сочетании с местоимением *никакой*, прилагательным в превосходной степени *самый захудалый*, которые усиливают значение отрицательной оценки: *Дрова все равно пришлось бы доставить в больницу, ну так вот: прийти и самому навялить – это анекдот, так никакой самый захудалый председелишко не сделает* [19. С. 262].

б) В текстах В.М. Шукшина диминутивы употребляются также для выражения **псевдоуничижительного значения**. В таких контекстах намеренно уничижаются предметы, включённые в личную сферу говорящего, представляющие для него большую ценность. Эта особенность выделена в работах Г.В. Калиткиной [22] и Р.Н. Порядиной [23] в качестве важной функции диалектной речи, когда происходит коммуникативное снижение значимости предмета. З.И. Резановой отмечены случаи актуализации псевдоуничижительного значения производных с данными суффиксами в речи носителей литературного языка, в текстах художественной литературы. По мнению вышеназванных исследователей, говорящий использует диминутивы в разговорах о себе, своём окружении с целью отчуждения «своего» мира, чтобы не прогневать высшие силы, а снискать их благосклонность [Там же]. Актуализируя значение псевдоуничижительности, диминутив выступает как сильный текстовый компонент, поддерживающий выявление смыслового потенциала других элементов контекста. В.М. Шукшин как тонкий художник с помощью диминутивов отражает в своих произведениях эту особенность народной речи.

Рассмотрим использование диминутивов в контекстах из рассказов писателя для выражения псевдоуничижительности и выявим дополнительные языковые средства в лексическом окружении диминутивов. Данное значение, как правило, актуализируется в бытовых диалогах персонажей при выражении отношения к домашним животным, предметам быта, строениям, свойствам, включенным в личную сферу говорящего. Например, в рассказе «Как помирал старик» диминутив *скотинёшка* употребляется в речи Егора в доме старика, которого он пришёл проведать. Глагол несовершенного вида *попоить* в ближайшем контексте диминутива выражает значение ослабленной интенсивности и имеет разговорную стилевую маркированность. В разговоре со старым больным человеком говорящий намеренно принижает то, что относится к его личной сфере, придает смысл незначительности своему делу в данной ситуации, проявляя своеобразную форму вежливости: – *Ну, пойду я, дядя Степан, – сказал Егор. – Скотинёшку попоить да корма ей задать...* [19. С. 323]. В приведённом ниже контексте диминутив также обозначает домашнее животное, значимое для говорящего. Диминутив *коровёнка* употребляется героиней рассказа «Думы» в бытовой обстановке с целью намеренного уничижения и стилистически маркируется как разговорный: – *Коровёнку выгони завтра в стадо, я забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти* [Там же. С. 311].

В рассказе «Из детских лет Ивана Попова» псевдоуничижительное значение имеют диминутивы *одежонка*, *постелишка*, сочетающиеся с местоимением *кой-какая* в отчуждающе-уничижительном значении. Их использует мать Ивана Попова в разговоре с человеком, у которого она с детьми остановилась в городе. Речь идёт о предметах, включённых в личную сферу героини, и в разговоре предполагается иная ценностная ориентация собеседника по отношению к вещам деревенских жителей. Диминутивы служат для выражения своеобразной формы вежливости, проявления заискивания перед важным для героини человеком: – *Заезжай, я покажу, куда ставить. Барахла-то много? – Откуда!.. Одежонка кой-какая да постелишка* [19. С. 365]. Такую же функцию намеренного отчуждения элементов «своего» мира в разговоре с городским человеком, имеющим другую систему ценностей, выполняют диминутивы в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич». Герой Андрей Кочуганов использует лексему *дровишки* в разговоре с приехавшим к нему в гости свояком, который критикует жизнь в деревне. Глагол ограничительного способа действия *поколоть* в сочетании с диминутивом *дровишки* выражает значение ослабленной интенсивности («немного меньше нормы»): – *Пойду дровишек поколю. Банёшку-то надо, наверно, протопить? – Баню – это хорошо. У вас по-чёрному?* [Там же. С. 448].

в) **Уничижительное значение диминутива может сочетаться со значением снисходительности**. Такое функционирование этого типа диминутивов характерно для диалогов со знакомыми или случайными собеседниками, а также для авторского повествования. Значение реализуется, как правило, при образовании производных, называющих свойства человека, одежду, результаты интеллектуальной деятельности.

В контексте из рассказа «Беседы при ясной луне» лексемы *умишко*, *силёнки* употребляются героем стариком Баевым в разговоре с Марьей Селезнёвой, сторожившей сельмаг, актуализируя уничижительное значение с оттенком снисходительности. Из-за бессонницы Баев стал ходить к сторожике, чтобы с ней разговаривать. Будучи незаметным человеком, Баев имеет о себе высокое мнение. Он считает, что всего достиг в жизни и пытается поучать и критиковать других. В контекстном окружении диминутива *умишко* наречие *едва-едва* привносит смысл «меньше нормы». В окружении диминутива *силёнки* ближайшие лексемы *до тридцати годов* актуализируют внутриконтекстный смысл «всего лишь», указывая на малый отрезок времени. То, что не соответствует норме, не заслуживает социального одобрения. Предикат *просадит* в значении «истратить» и другие контекстно близкие лексемы усиливают эмоциональные смыслы, выражаемые диминутивом: – *...А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом – широко жить собрался, а умишка, глядишь, – на пятистенок едва-едва. Просадит силёнки до тридцати годов, нашумит, наорётся, а дальше – пиик* [20. С. 137].

В приведённом ниже контексте из рассказа «Ночью в бойлерной» лексема *пальтишко*, выражая снис-

ходительно-уничижительный смысл, используется в функции косвенной референции, когда снисходительное отношение к герою переносится на его вещи, одежду: *Пилипенко не успел ответить, как в бойлерную влетел некто в шляпе, в лёгоньком пальтишке, с чемоданом. Бледный* [20. С. 407].

2. Пренебрежительное значение диминутивов с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* используются В.М. Шукшиным прежде всего для выражения отношения к человеку. Это значение актуализируется в тридцати контекстах из ста десяти, как правило, в диалогах персонажей со знакомыми людьми, но также реализуется и в повествовании. Пренебрежительный смысл диминутивов подчёркивается лексемами ближайшего окружения, имеющими отрицательные коннотации. Например, в следующих двух контекстах пренебрежительное значение основано на отрицательном отношении повествователя к герою-сопернику, которое переносится на его профессию или должность. Диминутив *счетоводишка* используется в авторском повествовании. В контексте из рассказа «Стёпкина любовь» главный герой наблюдает в клубе, как колхозный счетовод, нахальный парень, пристаёт к понравившейся Стёпке девушке. Стёпка считает, что соперник недостойн девушки, выражает пренебрежение к сопернику, используя оценочную номинацию: *И не успел он глазом моргнуть, не успел подумать, чем всё это кончится, как счетоводишка ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал* [19. С. 39].

В рассказе «Классный водитель» с помощью лексемы *инженершишка* выражается пренебрежительное отношение к сопернику. Герой чувствует свое превосходство перед инженером, презирая интеллигентов: *– Посмотрим, кто кого сфотографирует, – сказал он и поправил фуражку. – Где он? – Кто? – Инженершишка* [Там же. С. 132]. В рассказе «Ночью в бойлерной» диминутив *должностнишка* использует в разговоре Максимыч, который дежурит в ночную смену, с пришедшим к нему приятелем Пилипенко. В речи Пилипенко, расстроенного из-за своего увольнения с работы, диминутив в сочетании с местоимением «какая-нибудь» в отчуждающем значении служит средством выражения значения «нечто незначительное» по отношению к предполагаемой должности: *– Уволили, – сказал Пилипенко, – Дадут, конечно, какую-нибудь должностнишку, но...* [20. С. 404].

Пренебрежительное отношение героя к окружающим его людям выражается не только в диалогах с друзьями, но и во внутренней речи героев, как в рассказе «Вечно недовольный Яковлев». Главный герой, по характеру человек недобрый, приехал в отпуск в родное село, где он чувствует себя чужим. Во внутренней речи героя с помощью диминутива выражается пренебрежительное отношение к односельчанам. В лексическом окружении используется предикаты *расплодилось*, *приткнуться*, имеющие разговорную маркированность и отрицательные оценочные коннотации: *Он смотрел и смотрел на людишек, особенно на молодых ребят и девушек... Сколько их расплодилось!* [Там же. С. 374]. *– Некуда наро-*

дишку приткнуться, смотрю... То бы хоть молились [Там же].

3. Наряду со спектром отрицательных смыслов диминутивы с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* могут выражать значение **одобрительной снисходительности**, меняя направленность оценочной коннотации под влиянием лексического окружения. В «Словаре русского языка» *снисходительный* трактуется как «выражающий превосходство, покровительственно-высокомерное отношение к чему-л.» [18. С. 166]. Диминутивы со значением одобрительной снисходительности употребляются в десяти контекстах из ста для выражения отношения прежде всего к продуктам питания, напиткам или свойствам человека. Типичные коммуникативные условия актуализации данного смысла – диалогическая речь. Так, в следующем контексте диминутив *борщишко* актуализирует значение в сочетании со смыслом лексемы ближайшего окружения: местоимением *ничего* в значении *довольно хороший*, передающим одобрительное отношение говорящего к еде, хотя с оттенком снисходительности: *– Борщ как помой, – сказал лысый. Сеня с аппетитом хлебал борщ. – Ничего борщишко, чего ты!* [19. С. 95].

В следующих контекстах значение снисходительной одобрительности выражается во внутренней речи персонажей. Молодой врач Солодовников («Беседы при ясной луне») в хорошем настроении представляет, как он будет проводить вечер: *Вечером они уговорились – компанией в пять-шесть человек – играть в фантики и целоваться. Будет музыка, винишко...* [20. С. 30]. Диминутив *винишко* выражает смысл «нечто незначительное» с оттенком одобрительной снисходительности. В контексте из рассказа «Алёша Бесконвойный» с помощью диминутива *умишко* передаётся одобрительно-снисходительное отношение героя к взрослому сыну: *Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмёт. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец – пастух...* [Там же. С. 266].

4. Все рассмотренные выше смыслы диминутивов актуализируются в условиях сочетания с разговорной стилиевой маркированностью. В некоторых контекстах диминутивные производные могут утрачивать оценочное значение, реализуя в качестве основных **функцию стилиевой маркированности и коммуникативную функцию создания положительного непринуждённого тона коммуникации**. Такое функционирование отмечено в двадцати контекстах из ста десяти. Наиболее типичная текстовая позиция – в диалогах с друзьями, родственниками, знакомыми, в жанрах приглашения, угощения, как, например, в рассказе «Упорный»: *– Ну, извини, – сказал Моня, довольный. – Пойдём – у меня дома коньячишко есть... сохранился: выпьем по рюмаше?* [Там же. С. 252] или в рассказе «Классный водитель» в косвенном речевом жанре приглашения: *– Может, в кинишко сходим?* [19. С. 136].

В контексте из рассказа «Алёша Бесконвойный» диминутив *бельишко* используется в разговоре главного героя с женой в бытовой обстановке: *– Давай бельишко, – сказала жене, стараясь скрыть свою радость – она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя* [Там же. С. 261].

В следующих контекстах диминутивы в данной функции используются в фатических речевых жанрах: – *Зашёл попроведать, – заговорил тот, глядя раскосыми глазами не то на больного, не то мимо. – Как делишки, Ефим? («Заревой дождь»)* [19. С. 25]; *«Иван Семёныч! Здорово, старик! Вспомнил вот, решил написать! Как жив-здоров! Как работёнка?...» («Два письма»)* [19. С. 330].

Анализ функционирования диминутивных производных с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* в текстах рассказов В.М. Шукшина показал, что единицы данного формально-семантического класса, являясь значимой чертой его идиостиля, активно используются для создания разговорной стилиевой окрашенности текста и выражения широкого спектра эмоционально-оценочных значений: от одобрительно-снижительно-до пренебрежительно-го и уничижительного. Диминутивы выступают и в качестве одного из ярких средств речевой характеристики

героев, и в качестве средства создания общего колорита народной разговорной речи за счет использования диминутивов данного класса в типичных для народной речевой культуры коммуникативных позициях, прежде всего – для выражения говорящим намеренного уничижительного отношения к себе, а также к людям и предметам, включенным в его личную сферу. При том что диминутивы автором используются для создания эмоционально-экспрессивного фона и диалогического, и повествовательного текста, наиболее типичными контекстами их функционирования являются диалоги персонажей, менее характерны анализируемые единицы для внутренней речи героев и авторского повествования. Весь спектр экспрессивных, эмоционально-оценочных и стилиевых функций диминутивов реализуется в условиях активного контекстного взаимодействия с другими эмоционально-оценочными, экспрессивными, стилистически маркированными единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевникова Н.А., Николина Н.А. О языке В.М. Шукшина // Язык и стиль прозы В.М. Шукшина. Барнаул, 1991. С. 4–13.
2. Горн В.Ф. Живой язык Василия Шукшина // Русская речь. 1977. № 2. С. 25–31.
3. Воробьева И.А. Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов. Барнаул, 1997. С. 105–147.
4. Деминова М.А., Кукуева Г.В., Чувакин А.А. Диалогичность прозы В.М. Шукшина // «...Горький, мучительный талант». Барнаул, 2000. С. 3–22.
5. Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Филологическое шукшиноведение. Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина. Барнаул : Изд-во АГУ, 2004. Т. 1. С. 109–152.
6. Василевская Л.И. Взаимодействие повествовательных и диалоговых форм в рассказах В.М. Шукшина. Способы идентификации лиц // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С. 55–58.
7. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992. 220 с.
9. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
10. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.
11. Яценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 242 с.
12. Порядина Р.Н. Функционирование моделей диминутивного словообразования в диалектном тексте. Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1997. 229 с.
13. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (когнитивно-функциональный аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 224 с.
14. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М. : Наука, 1984. 184 с.
15. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
16. Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.
17. Резанова З.И., Шилиев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–4. С. 634–639.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН. Ин-т лингв. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 800 с.
19. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992. Т. 2. 558 с.
20. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992. Т. 3. 607 с.
21. Большой академический словарь русского языка : в 23 т. М., СПб. : Наука, 2011. Т. 18. 772 с.
22. Калиткина Г.В. Формы субъективной оценки имён в аспекте теории мотивации (на диалектном материале) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989. 252 с.
23. Порядина Р.Н. О «магической» функции диминутива (на примере среднеобских говоров) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 249–255.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 апреля 2016 г.

EXPRESSIVE MEANINGS OF DIMINUTIVES IN TEXTS OF V.M. SHUKSHIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 5–10.

DOI: 10.17223/15617793/408/1

Voronina Ludmila P. Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Voroninalp@sibmail.com

Keywords: diminutive; individual style; V.M. Shukshin; expressiveness.

One of the main features of Shukshin's writings is an active use of the folk colloquial speech source. Folk colloquial stylistics of speech, which has one distinctive feature – emotionalism, expressiveness, evaluativity, is proper to all types of the speech layers of the author's works. The special stylistic background is formed by interrelation of the language elements of all types, and the source of expressive word-building has a significant role among them. This research places emphasis on the main feature of the individual style of V.M. Shukshin: use of elements of the derivational system for creation of text emotionalism and colloquial style markedness.

Herewith, the individuality of the style formation of the writer in the use of the source of diminutive word-building is revealed. The article analyzes conditions of functioning of derivatives with diminutive suffixes in texts. The major purpose of the research is to determine the spectrum of expressed meanings and style functions, to identify topics and situations in which diminutives with such suffixes are used, to describe the context interrelation of a diminutive with other elements of the text and the communicative and cognitive effect of the use of diminutives in different context interrelations. The study of the functioning of diminutive derivatives in Shukshin's texts shows that they illustrate the expression of a wide spectrum of expressive meanings. One can determine the following groups of meanings expressed by diminutives: depreciative, disrespectful, of approving indulgence, of colloquial style markedness. In Shukshin's texts diminutives with a depreciative meaning with elements of different emotional components are predominant. Diminutive derivatives are more regularly used in household arrangements, in colloquial speech of the characters, generally, in conversation with people of the surrounding community, as well as with casual conversation partners. More rarely diminutives are used in the inner speech and in the narrative. Elements of lexical surrounding have a significant influence on realization of the diminutive meaning.

REFERENCES

1. Kozhevnikova, N.A. & Nikolina, N.A. (1991) O yazyke V.M. Shukshina [About the language of V.M. Shukshin]. In: Chuvakin, A.A. (ed.) *Yazyk i stil' prozy V.M. Shukshina* [The language and style of the prose by V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State University.
2. Gorn, V.F. (1977) Zhivoy yazyk Vasiliya Shukshina [The living language of Vasilii Shukshin]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 25–31.
3. Vorob'eva, I.A. (1997) Regional'naya kul'tura v leksike prozaicheskikh proizvedeniy V.M. Shukshina [Regional culture in the vocabulary of prose works by V.M. Shukshin]. In: Kozlova, S.M. et al. *Proza V.M. Shukshina kak lingvokul'turnyy fenomen 60–70-kh godov* [Prose by V.M. Shukshin as a linguocultural phenomenon of the '60s and '70s]. Barnaul: Altai State University.
4. Deminova, M.A., Kukueva, G.V. & Chuvakin, A.A. (2000) [Dialogs in the prose of V.M. Shukshin]. "...Gor'kiy, muchitel'nyy talant" ["... Bitter, agonizing talent"]. Proceedings of the V All-Russian jubilee conference "V.M. Shukshin. Life and Work" devoted to the 70th birthday anniversary of V.M. Shukshin. 21–23 July 1999. Barnaul: Altai State University. pp. 3–22. (In Russian).
5. Chesnokova, V.A. (ed.) (2004) *Tvorchestvo V.M. Shukshina. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Filologicheskoe shukshinovedenie. Lichnost' V.M. Shukshina. Yazyk proizvedeniy V.M. Shukshina* [Creativity of V.M. Shukshin. Collegiate Dictionary Directory. Philological Shukshin studies. Personality of V.M. Shukshin. Language of works of V.M. Shukshin]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
6. Vasilevskaya, L.I. (1989) [The interaction of narrative and dialogue forms in stories by V.M. Shukshin. Methods for the identification of persons]. *V.M. Shukshin. Zhizn' i tvorchestvo* [V.M. Shukshin. Life and work]. Abstracts of the II All-Russian scientific-practical conference. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 55–58. (In Russian).
7. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
8. Zemskaya, E.A. (1992) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka.
9. Kubryakova, E.S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings: Semantics of derivative words]. Moscow: Nauka.
10. Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya. Russkoe proizvodnoe imya* [The functional aspect of word formation. Russian derivative name]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Yantsenetskaya, M.N. (1979) *Semanticheskie voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Semantic word formation theory questions]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Poryadina, R.N. (1997) *Funktsionirovanie modeley diminutivnogo slovoobrazovaniya v dialektnom tekste* [Functioning of diminutive derivation models in the dialect text]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
13. Nagel', O.V. (2005) *Russkie imennyye slovoobrazovatel'nye tipy sinkretichnoy semantiki (kognitivno-funktsional'nyy aspekt)* [Russian nominal word-formation types of syncretic semantics (cognitive-functional aspect)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
14. Vinogradova, V.N. (1984) *Stilisticheskiy aspekt russkogo slovoobrazovaniya* [The stylistic aspect of Russian word formation]. Moscow: Nauka.
15. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
16. Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizмах vyrazheniya otsenki [Nominal diminutive derivation in the mechanisms of evaluation expression]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Russian National Corpus in teaching the use of Russian diminutives. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5–4. pp. 634–639. (In Russian).
18. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz., Poligrafresursy.
19. Shukshin, V.M. (1992) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Molodaya gvardiya.
20. Shukshin, V.M. (1992) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Molodaya gvardiya.
21. Gerd, A.S. (ed.) (2011) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 23 t.* [Big academic dictionary of the Russian language: in 23 vols]. Vol. 18. Moscow, St. Petersburg: Nauka.
22. Kalitkina, G.V. (1989) *Formy sub'ektivnoy otsenki imen v aspekte teorii motivatsii (na dialektnom materiale)* [The forms of subjective evaluation of names in the aspect of the theory of motivation (in dialects)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
23. Poryadina, R.N. (1998) O "magicheskoy" funktsii diminutiva (na primere sredneobskikh govorov) [On the "magical" function of the diminutive (in the Middle Ob dialects)]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [Problems of lexicography, motivology, word formation]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 21 April 2016